

Марина Струкова

Терновый венок

Босильки из Пасьяне



Марина Васильевна Струкова
Терновый венок
Босильки из Пасьяне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69828913

SelfPub; 2023

Аннотация

Святая мученица Босилька из села Пасьяне – реальное историческое лицо. Эта девушка жила на Балканах во времена Османского ига. Источник сюжета – её Житие.

Содержание

Глава первая. Ивандан	4
Глава вторая. Раненый незнакомец	7
Глава четвёртая. Нападение в горах	28
Глава пятая. В поисках правды	36
Глава шестая. Гость незванный	42
Глава седьмая. Юность Мерве	46
Глава восьмая. Тайна Данило	50
Глава девятая. Волчье сватовство	53
Глава десятая. Рассвет над Пасьяне	57
Примечания	59

Марина Струкова

Терновый венок

Босильки из Пасьяне

Глава первая. Ивандан

Санжар отводит рукой ветви ивняка, стоя по пояс в воде. На другом берегу реки горят костры, слышатся сербские песни. Нет ему места на празднике Ивандан. Он мусульманин. Его дед, богатый купец, принял ислам в тридцать лет. Дабы турки-османы, давно захватившие сербскую землю, не чинили препятствий в торговле. Дед рассказывал, что сначала в семье пытались тайно соблюдать православные обычаи, но на таких доносили недоброжелатели. И, наконец, их семья сдалась, они погрузились в ислам с головой. Бывших христиан сербы называют арнаутами.

Санжар вглядывается в девушек, их много, все нарядные. Вот несколько пошли вдоль по берегу. Когда отдалились от костров, разулись, сбросили юбки и жилетки, остались в рубашках чуть ниже коленей. Сумрачно, но Санжару видны стройные ноги, белые на фоне тёмной травы. Он жадно рассматривает взглядом ту, что милее всех. Как высоко поднимает грудь её рубашку. Как блестят тёмные волосы, распу-

ценные по плечам. Как грациозно спускается она в воду, пока подружки спотыкаются и скользят по глине и камням. Девушки держат в руках цветочные венки – будут гадать на женихов. У кого венок утонет, той скоро замуж. У кого уплывёт далеко – в девках насидится.

Вдалеке молодой мужской голос поёт:

Я дарил девчонке бусы – не берёт.

Я дарил девчонке серьги – не берёт.

Почему она подарков не берёт?

Кто берёт подарки – волю продаёт.

Отражения звёзд пляшут на волнах. Девушки опустили венки в воду и выбежали на берег. Только избранница Санжара медлит.

– Что же ты, Босилька! Пускай венок! – Кричат с берега, но она замерла и подружки удаляются к кострам.

Санжар бесшумно погружается в воду и плывёт. Босилька вертит в руках венок, поправляя вплетённые стебли. Она словно сомневается – а нужно ли ей это? Внезапно Санжар поднимается из воды во весь рост перед девушкой. Хватает за руку, чтобы не бросилась прочь.

– Постой, не бойся.

Девушка не поднимает крик. Это обнадеживает.

– Ты далеко зашла в воду, сербская красавица!

– И ты далеко зашёл. Ступай домой, арнаут. – Её алые губы изгибаются в спокойной улыбке.

– Помнишь меня?

– Девичья память коротка. Пусти руку.

Но Санжар продолжает держать.

– Ты приглянулась мне. Пойдём в рощу, поговорим. – Его сердце бьётся всё чаще.

– Пусти! – Она слегка хмурится.

– Торопишься к своему дружку? – Санжара обжигает ревность.

– Нет у меня дружка.

– Тогда я стану им.

Он тянет её в воду. Внезапно девушка бьёт его венком по лицу. В кожу вонзаются тысячи игл. Санжар кричит, отпускает Босильку, закрывает руками лицо.

Откуда такая боль?

– Проклятая сербка!

Санжар бросается в воду и плывёт подальше от света костров. С каких пор местные девушки плетут венки из тёрна?

Глава вторая. Раненый незнакомец

Босилька садится неподалёку от костра, ей тревожно. Она помнит первую встречу с Санжаром год назад. Тогда молодой арнаут явился к ним домой с угрозами.

А началось всё с прогулки по лесу, куда Босилька отправилась с братом Стояном. Они хотели нарвать земляники. Стояну, светловолосому сорванцу с вечно растрёпанными кудрями, недавно исполнилось двенадцать, Босильке пятнадцать. Она считала себя взрослой и неодобрительно смотрела на мальчика, который постоянно исчезал из виду. Стоян то бросался в кусты за мелькнувшим лисёнком, то лез на дерево, чтобы оглядеть окрестности, то мчался впереди, размахивая хворостинкой, как саблей. В лесу царили зной и тишина. Дурманил смешанный аромат цветов, трав, хвои. Наконец Стоян утомился и пошёл рядом с Босилькой.

– Сестра, когда я вырасту, уйду в гайдуки. Я бы и сейчас ушёл, но ведь прогонят обратно. Как только стану ростом выше тебя, довольно мне сидеть дома.

– Мама и отец не расстроятся. Гайдуки – герои, они нападают на османов и тех, кто им служит, но живут недолго. – Вздыхает Босилька.

– Эх, есть отцы, которые благословляют сыновей воевать со злодеями! А наш только молится. Женил Симеона и Петро, заставил пахать землю. – Морщится Стоян.

– Отец бережет нас.

– А может, боится остаться один под старость? Ведь тебя выдадут замуж в чужой дом. Если и сыновья уйдут в гайдуки, кто позаботится о нём и матери?

– Я не хочу замуж.

– Не притворяйся, Босилька. Все девочки думают о женихах. Ну ничего, когда уйду в горы, найду тебе мужа-гайдука. Разве мужчины те, кто не воюет, а пашет землю? Эх! Смотрю на нашего отца – такой сильный, а боится врагов.

Брат и сестра покинули тропу и стали пробираться вверх по травянистому склону среди ёлок, низко опустивших лапы.

– Стоян, сказано в Библии: не суди. Если бы ты знал, откуда страх в сердце у отца... Он просто не хочет делиться болью. Но однажды я услышала от отца одну историю...

– Что за история? Не скрывай!

– Мне почудился голос. – Босилька остановилась и прислушалась.

– Точно. Оттуда! – Стоян указал на заросли.

– Вдруг это осман? – Нахмурилась Босилька. – Но он не будет прятаться.

– Я посмотрю! У меня есть нож! – Стоян нырнул в кусты, Босильке пришлось следовать за ним.

– Подожди, осторожней.

– Ух ты, здесь вход в пещеру. Никогда не замечал её. – Стоян заглянул в темноту.

– Кто здесь? – Спросила Босилька. Глаза брата и сестры привыкли к темноте, и они разглядели лежащего на земле парня в холщовой одежде и овчинном жилете. На рубашке алая кровь. На одежде, выше голенища сапога – тоже кровь. Рядом валялось ружьё. Лицо раненого было бледным, с тонкими чертами. Над верхней губой темнел пушок. Его длинные тёмно-русые кудри рассыпались по полу пещеры. Услышав шаги, парень открыл глаза:

– Дети, это я звал вас. Услышал голоса.

– Ты ранен.

– Воды... Есть ли у вас вода?

– Да! – Босилька вынула из корзинки глиняную бутылку, выдернула обломок кукурузного початка, заменявший пробку, опустилась на колени рядом с незнакомцем. Стоял тоже сел и приподнял раненого, чтобы тот смог попить.

– У нас есть и хлеб!

– Не надо. Спасибо.

Стоял снял свою куртку, свернул и подложил под голову незнакомцу.

– Ты гайдук? – Восторженно спросил мальчик.

– Да. Вчера на закате подстрелил басурманина. Но оказалось, за ним ехали ещё трое. Они начали стрелять, погнались за мной. Едва ушёл. Кровь долго не унималась. Ногу сумел перевязать, а рану на боку нет.

– Я перевяжу. – Вызвалась Босилька. Она оторвала полосу от своей нижней рубашки, надрезав ткань ножом брата. По-

том сходила за листьями подорожника, привязала их к ране.

Парень лежал с закрытыми глазами.

– У него жар, – сказал Стоян, коснувшись лба гайдука.

– Его нужно лечить. Целебными травами, как умеет ма-тушка. Нужно принести сюда настойки, больше воды. – Го-рячилась Босилька.

– Этот человек должен лежать в доме, а не под горой. Мы расскажем родителям, пусть они позволят перенести гайдука к нам. Старшие братья помогут. – Горячился её брат.

– Стоян, ты прав. Можно нести его через огороды. Но при-дётся перейти улицу на подходе к дому... Ох, пусть ночь бу-дет тёмной. – Переживала девушка.

– Мы вернёмся. – Обратился к гайдуку её брат. – Мы не бросим тебя, друг!

– Сейчас наберу тебе земляники. – Босилька выбежала на поляну, стала поспешно рвать ягоды.

Они оставили корзину с земляникой и краюхой хлеба и бутылку с остатками воды и отправились домой.

– Смотри, как опасна доля гайдука, Стоян. – Сокрушалась сестра.

– Зато угодна Богу, Босилька. Я бы карал врагов и отни-мал их добычу. Третью золота отдавал тебе на приданое, треть раздавал нищим, которых басурманы оставили без крова, треть отдавал монахам в обители Драганац – пусть отмали-вают мои грехи. Мне нужна только добрая слава! – Весело рассуждал мальчик.

Они подошли к дому. Красное солнце опускалось в тёмные облака на западе. На крыльце стояла их мать Мария, на пороге сидел отец Данило, курил глиняную трубку.

– Слава Богу и святой Параскеве, нашей заступнице. – Произнесла мать. – Я уже думала, не случилось ли что?

– Случилось, мама, – быстро прошептала Босилька. – Пойдём в дом, там расскажем.

Отец нахмурился и тоже направился следом за женой и детьми.

Спор с родителями был жарким. Мать и отец наотрез отказались принимать в доме раненого гайдука.

– Да знаешь ли ты, что с нами сделают власти? Какие кары навлечём на свои головы? Гайдуки для турков разбойники, на них делают облавы, с ними запрещено иметь дело! – Гремел отец.

– Мы никогда не нарушали закон, оттого живём благополучно. И вас вырастили. Есть пословица: с сильным не борись, с богатым не судись. – Поддерживала мать главу семьи.

– Матушка, но бросить его там не по-христиански. Дай нам настойку из трав, которая поможет вылечить раны. Мы отнесём её гайдуку.

– И впрямь, жалко парня. И он чьё-то дитя, а умирает без покаяния в чаще. – Сказала мать.

– Он сам выбрал свою долю. Сидел бы дома, был бы в добром здравии. – Бормотал отец.

Мать пошла в кладовую, набрала трав, заварила кипятком

в кувшине.

– Получается, вы снова должны идти в лес. Уже солнце село. – Заметила она.

– Матушка, мы быстро. Не по улице, огородами. – Воскликнула Босилька.

– Люди заметят. Начнут обсуждать. Что нужно детям в лесу так поздно? – Покачала головой мать.

– Я скажу, что ставил силки на дичь. На куропаток! – Оживился Стоян.

– Послать с вами старших братьев, ещё хуже. Тут уж точно скажут, что вся семья якшается с гайдуками.

Босилька и Стоян снова отправились в лес. Гайдук метался в жару и стонал.

– Он умрёт. Такой молодой. Правда, он похож на Христа? – На глаза Босильки навернулись слёзы. Она плакала редко и только от жалости к другим.

Она поменяла повязки на ранах гайдука, помазав их целебной настойкой.

– Босилька, мы больше ничего не сможем сделать. – Уныло сказал Стоян.

Они вернулись домой в унынии. Едва встало солнце, брат и сестра начали собираться в лес. Они взяли бутылку с водой, свежий травяной отвар для лечения, холст для перевязки. Мать перекрестила детей, отца не было дома. Гайдук по-прежнему лежал пластом. Рана на боку казалась не так опасна, как нарыв на ноге – там кожа стала лиловой, была замет-

на опухоль.

– Наверное, в ногу пуля. Но как вынуть её? Тут нужен лекарь! – Говорила Босилька.

– В Пасьяне есть лекарь. Но отважится ли он помочь гайдуку? К нему ходят враги сербов.

А в полдень, едва Босилька и Стоян вернулись домой, в ворота постучали – громко, по-хозяйски.

– Я знал, что нужно ждать беды! – Воскликнул отец. – Открой, Стоян, да веди себя тихо. Поклонись гостям.

Стоян поплёлся открывать. В ворота постучали ещё раз. Кто-то выругался. Во двор вошли два арнаута. Один пожилой, седой, с косым шрамом на правой щеке. Его глаза сразу обшарили двор, а рука лежала на рукояти пистоля, заткнутого за пояс. Второй молодой, его чёрные длинные усы лоснились, словно их окунули в масло. Взгляд глубоко-посаженных голубых глаз казался холодным, словно у мертвеца.

– Эй, Данило, дурное говорят про тебя! – Не здороваясь, бросил пожилой арнаут.

– Доброго дня, Али. Проходи в горницу. Выпьем сливовицы. – Заискивающе проговорил Данило.

– Какая там сливовица! Твои дети помогают раненому гайдуку. – Огрызнулся арнаут.

– С чего ты взял?

– С того, что мой сын возвращался из леса вслед за ними, слышал, как они жалеют гайдука. Мол, раненый лежит. Тогда я взял с собой племянника Санжара и пошёл к тебе. –

Пояснил Али.

– Так это твой племянник? Бравый молодец! Но я не видел его в Пасьяне. Откуда он родом? – С деланным оживлением спросил Данило.

– Санжар живёт в Деще. Но не заговаривай мне зубы. Зови детей. Пусть покажут, где валяется гайдук!.. Или они снова в лесу? – Прикрикнул арнаут.

– Нет, Али. Дети дома. – Засуетился Данило. – Они, кажется, не были нигде, кроме огорода. Стоян!

Младший сын вошёл в горницу и стоял, нахмурившись.

– Ты ведь не видел в окрестностях гайдука? – Данило смотрел строго.

– Не понимаю, о чём речь. О гайдуках я только в песнях слышал. – Усмехнулся Стоян.

– Девчонку зови. – Не унимался старый арнаут.

Босилька пришла, закутанная в большую бабкину шаль – мать советовала прятать лицо от злодеев.

– Кого видели в лесу? – Повысил голос Али.

– Лисят видели. Зайца. – Прошептала Босилька, опустив глаза, хотя вовсе не робела.

– Ты дурочку из себя не строй. Сейчас пойдёте и покажете, где заметили разбойника.

– Здесь вижу. – Хотела сказать Босилька, но сдержалась, ведь сербы на своей земле рабы.

– Али, смилуйся, они ничего не знают. Зачем моим детям идти в лес? – Простонал Данило.

– За правдой, сосед. Эй, мальчик, ступай к воротам. И ты, девица. – Скомандовал Али.

– Не пущу! – Мария схватила за руки Стояна и Босильку.

– Отойди, глупая баба! – Молодой арнаут, тот самый Санжар, потянул из-за пояса саблю.

– Прочь с дороги! – Старый арнаут нацелил на Данило ружьё.

– Мы пойдём! – Воскликнула Босилька. – Стоян, ступай за мной. Но это будет пустая трата времени.

Брат и сестра спустились во двор.

Лес встретил людей зелёным сиянием листвы. Но те не замечали его красоты. Арнауты сняли с плеч винтовки и пристально обшаривали взглядом придорожные заросли. Стоян шагал впереди, засунув руки в карманы и дерзко подняв кудрявую голову. Босилька горбилась и куталась в платок, но зной измучил её, девушка сбросила шаль. Молодой арнаут уставился на неё глубоко посаженными белесыми глазами. Есть на что посмотреть. Девушка стройная, полногрудая, с длинной тёмно-русой косой, из которой выбиваются шелковистые завитки. У неё нежный овал лица, большие карие глаза, тонкий нос, алые губы.

– Мы не скажем арнаутам, где свернули с дороги на тропу, – думает Босилька. Но старый арнаут указывает на одну из тропинок.

– Отсюда дети вышли, так сказал мой сын.

– Отлично.

Молодой арнаут машет брату и сестре – ступайте вперёд.
Стоян вдруг вскидывает голову и громко запеваёт:

– На дороге голова лежит в пыли,
янычары проходили, отсекли.

Узнаю гайдука, были мы друзья,
он ушёл в леса, в селе остался я.

– Я покажу тебе, как петь разбойничьи песни! – Санжар бьёт прикладом Стояну в грудь, тот отшатывается. Вдруг Босилька понимает – брат запел, чтобы предупредить гайдука! Она вскидывает голову и продолжает напев:

– Схороню героя на исходе дня,
а потом возьму секиру и коня,
пусть меня благословят отец и мать
окаянным буйны головы снимать!

– Дерзкая сербка! – Старый арнаут толкает Босильку, та падает на дорогу. Стоян бросается поднимать её. Молодой арнаут подаёт Босильке шаль и говорит:

– Не так должна вести себя девушка. Молчи, пока не позволили говорить. Вот сейчас я спрошу, а ты ответишь: где прячете раненого разбойника?

– Мы ничего не знаем. – Твёрдо говорит Босилька. Стоян надрывно закашлялся, на губах его – кровь. Сильно ударил турок в грудь.

– Сейчас развяжу тебе язык. – Старик хватается её за рукав и встряхивает. – Иначе получишь плетей. У меня за голенищем отличная плеть, в неё вшита свинцовая дробь.

– Стой, Али. Разве можно так с девушкой? Она и без плетей запоёт, как малиновка на заре. – Ухмыляется молодой арнаут и приставляет ствол винтовки ко лбу Стояна.

– Так где гайдук? Кто-то из вас покажет?

– Клянусь, мы не знаем. – Хрипит Стоян.

– Неужели тебе не жаль брата? – Удивляется молодой арнаут. – Эй, христианка с каменным сердцем! Один выстрел и разнесу голову мальчишке.

– Мы не знаем! – Босилька падает на колени. – Умоляю, не трогайте Стояна.

– Клянусь Богом и нашей славой – святой Параскевой, здесь нет гайдука. – Твёрдо говорит Стоян, но его лицо побледнело, как холст. Ведь он согрешил, солгал во спасение другого человека.

– Хорошо, только ради тебя, красавица, поверим. – Говорит молодой арнаут Босильке. – Но я охотник и могу найти любой след. Потратим больше времени, но всё выясним. И вот тогда мальчик умрёт вместе с гайдуком.

Все они медленно бредут по тропе. Молодой арнаут останавливается и указывает на траву:

– Здесь, кажется, проходили не раз.

Босилька обмирает.

– Да, – соглашается старый арнаут.

И они сворачивают на поляну. Старик оборачивается к детям:

– Попробуйте убежать! Тогда я не только вас накажу, но

и вашу родню!

Босилька и Стоян плетутся за злодеями.

Молодой арнаут часто наклоняется к земле, потом оглядывает ветви деревьев. Потом оборачивается к спутникам, прикладывает палец к губам. Он кивает старику и указывает на кусты орешника. Старик указывает, чтобы отошли в сторону. Молодой арнаут не уступает ему первенства. Он отмахивается, он сам хочет взять жизнь врага. Но старик гневно сдвигает брови. Все уходит в сторону. Старик крадётся сбоку, вдоль каменного склона к пещере.

– Проклятые язычники! – Кричит Стоян и получает оплеуху. Босилька бросается к пещере, она готова закрыть собой раненого. Но старик ближе, он суёт дуло в пещеру и стреляет. То же делает молодой арнаут. Потом оба выхватывают кинжалы. Молодой лезет в пещеру и разочарованно восклицает:

– Здесь никого нет!

– И кажется, не было. – Добавляет старик, которые внимательно осматривает окрестности поляны.

– Не осталось ли там следов или вещей?

– Совсем ничего. Пол чистый, будто выметен.

– Я же клялся вам! – Оживляется Стоян.

Босилька молчит. Она недоумевает. Раненый гайдук был в таком состоянии, что не сумел бы и голову поднять самостоятельно. Не могло матушкино зелье настолько ободрить его за одну ночь, что он встал и пошёл. Скорее она боялась застать его мёртвым. И вот он исчез.

– Шайтан с вами! Возвращайтесь в село! – Раздражённо рывкает старик.

– Мы ещё походим здесь. Может быть, найдём след и тогда берегитесь! – Обращается к Стояну молодой арнаут.

Босилька и Стоян поспешно идут к дороге, даже бежать боятся – вдруг турки в спину выстрелят.

Когда оказываются одни, Босилька начинает поспешно креститься:

– Благодарю тебя, Господи, за избавление!

А потом с упрёком оборачивается к Стояну:

– Ты божился и лгал.

– Но ведь оказалось, что гайдука в пещере действительно нет. Значит, сам Господь спас меня от греха. – Широко улыбается Стоян.

– Как юнак смог уйти? Он же едва дышал! – Разводит руками Босилька.

– Наверное, его нашли друзья и унесли. – Ищет ответ Стоян. – Или он бросился в пропасть с оружием, чтобы не попасть в руки врагов.

– Но хоть что-то должно было остаться. Там даже пол был в крови. Ах! Стоян, я вот что подумала – это было чудо.

– Не понимаю.

– Матушка, оделяя нищих, не раз говорила, что в облике людей, которым нужна помощь, может явиться Христос. Поэтому нельзя никого отталкивать.

– Сестра, неужели Христос мог принять облик гайдука? –

Смеётся Стоян.

– А вспомни, как он похож на молодого Спасителя. Это печальное лицо, длинные кудри... – Вздыхает Босилька.

– Он просто приглянулся тебе! – Поддразнивает брат.

– Что за глупости? Я уверена, это Христос явился, чтобы испытать нас. А потом вознёсся на небо!

– Босилька, ты только и рассказываешь о чудесах. Наверное, станешь игуменьей, раз не собираешься замуж. – Закрывает Стоян.

Глава третья. Кровавая ярмарка

Ласково светит утреннее солнце. По ровной дороге в арбе едут Данило, Босилька и Стоян.

– Возьми, дочка, деньги. Купи себе ткани на рубашку, краску для пряжи. А что останется, потрать на ленты и бусы. – Говорит Данило, протягивая Босильке горсть серебряных акче.

– Отец, мне тоже нужны деньги. – Воскликает Стоян.

– Ты потратишь на чепуху, а Босилька не полезные вещи. – Отмахивается отец.

– Ленты и бусы – полезны? – Возмущается мальчик.

– Дочка – невеста, пусть наряжается. А вспомни, сколько работы по дому она делает! – Напоминает отец.

– Стоян, не обижайся. Я поделюсь с тобой. – Шепчет Босилька.

– Мы будем торговаться, сбивать цену и у нас останется много денег! – Воодушевляется её брат.

Впереди них, позади них тоже едут люди на ярмарку. Молодцы верхами придерживают коней, бросают взгляды на Босильку, но заговорить не решаются. Больно строгий вид у Данило. Но вот среди них показались двое турков, те смеются, говорят между собой, уставившись на девушку. И Данило опускает глаза. Босильке жалко отца – он робеет перед грозными чужеземцами.

– Что уставились? – Спрашивает Стоян.

– Продай нам свою сестру, мальчик. – Улыбается один турок.

– А много ли дадите? – Интересуется Стоян.

– Тридцать червонцев. – Уже серьёзно говорит турок.

– Если бы даже султан предложил мне свою саблю и корону, и то не отдал бы. Сестра моя не имеет цены. – Гордо говорит Стоян.

– Хватит трепать языком. – Данило отвечает сыну подзатыльник, потом хлещет вожжами быка и тот трусцой бежит по дороге. Между турками и арбой Данилы оказывается другая повозка, и беседа обрывается.

Данило везёт на базар сыр. Варили его Мария и Босилька. В четырёх больших корзинах, прикрытых холостом, сложен этот товар. Солёный и сладковатый, твёрдый и мягкий. С пряными травами, дроблёными орехами и даже с вяленой вишней.

Для Босильки и Стояна поездка на базар – праздник. В такие дни Гнилане преображается. Не только вокруг площади

открыты лавки, но всё её пространство заполнено торговцами и покупателями. Поставлены матерчатые навесы от палящего летнего солнца. Под ними на деревянных столах лежат фрукты и овощи, мясо и рыба. Или прямо на землю свалены тележные колёса, дуги, хомуты. Бродят между рядами мальчики с тяжёлыми кувшинами, продают воду и шербет.

А под навесом с бахромой стоят низкие столики, за которыми на ещё более низких скамейках сидят приезжие купцы, пьют кофе и едят пахлаву, наверное, как у себя в Стамбуле. Тем временем из корчмы несётся сербская песня, кто-то из местных уже выпил сливового вина и загулял.

Тут же в открытых лавках работают ремесленники. Сапожник чинит туфельку с загнутым носком. Кузнец подковывает коней. Пекарь жарит в огромной сковороде брызгающие раскаленным маслом буреки. Возле лавки с тканями сидит на коврике, скрестив ноги, старый турок. Зажал в зубах чубук, зажмурил глаза, будто спит. Но едва подошла покупательница, вскочил, забегал вокруг, предлагая товар.

Стоял загляделся на детские игрушки, среди которых были крошечные всадники с оружием, но заметил улыбку Босильки, смутился и быстро направился туда, где продавались снасти для рыболовов и припас для охотников. На выданные сестрой деньги купил крючки и какую-то хитрую ловушку для мелких зверьков.

– Ну, все зайцы будут наши. – Усмехнулся отец.

Вдруг раздался глухой стук, он нарастал, приближался.

Люди прекратили торговаться, на лица угасили улыбки. Чеканщик опустил свои инструменты на широкое блюдо. Кузнец отложил подкову, и конь в станке перестал дрожать и всхрапывать.

На площадь выходили янычары. Алая одежда, высокие шапки, на поясах ятаганы. Впереди трое несут барабаны и выбивают гулкую дробь.

Стоян вспомнил, как семь лет назад в Пасьяне поднялась суета – жители услышали, что должны уплатить девширме.

– Что такое девширме? – Начали спрашивать Стоян и Босилька у старшего брата Петра.

– Налог кровью. Будут набирать мальчиков лет семи-восемью в школу янычар.

– А далеко она? – Оживился Стоян, он мечтал обучиться грамоте.

– Школа янычар в Стамбуле. Там тебя обрежут, заставят говорить по-турецки и научат воевать с христианами. Вырастешь, явишься в Пасьяне и если прикажут, убьёшь свою семью. – Сурово объяснил Петро. Стоян испугался. По возрасту янычарам подходил только он. Родители хотели спрятать младшего сына, но не успели. В ворота постучали. И тогда хитрый мальчик притворился дурачком. Он свёл зрачки к переносице, открыл рот и стал ползать по двору. Даже когда один из янычар ожёг его плетью, Стоян не встал. А сообразительная Босилька, тогда ей было двенадцать, стала убеждать незнакомцев, что брат её с детства малоумный. Янычары по-

совещались и оставили двор Данилы не солоно хлебавши.

Сейчас такие же воины вышли на середину площади к невысокому помосту и расступились. За рядами янычар пряталась телега с большой деревянной клеткой.

– Это казнь! – Стали восклицать в толпе.

– Зачем они портят торговлю в день, когда съехались столько люда? – Вопросал молодой кузнец.

– Затем, чтобы все видели и боялись! – Мрачно отвечал ему пожилой сапожник. – Пойдёмте, дети. – Данило попытался увести Босильку и Стояна, но они наткнулись на янычара, который прикрикнул:

– Куда собралась? Стойте на месте.

Тем временем на помост поднялся коренастый пожилой воин и Данило прошептал:

– А вот и Али? Он ады-баша – командир сотни.

Грозно оглядел командир площадь, развернул свиток с печатью на шнурке и медленно произнёс:

– Слушайте и не говорите, что не слышали!

Разговоры смолкли. В небе хрипло каркнул ворон.

– Суд приговорил к смерти через отсечение головы сербских разбойников Симона и сыновей его Лазара, Петара и Иону.

– Гайдуки, гайдуки... – зашептали в толпе.

Из клеток вытащили и повели к помосту четверых в рваной окровавленной одежде. Один старик, но ещё крепкий, трое – статные молодцы. Самый молодой, кудрявый, гордо

вскинул голову, обвёл толпу суровым взглядом из-под сдвинутых чёрных бровей.

– Узнаёшь его, Босилька? – Воскликнул Стоян. На голос обернулись. Данило зажал сыну рот ладонью. Босилька узнала и побелела, как холст, выгоревший на солнце. Этому юнаку она перевязывала раны в пещере.

Некоторые женщины быстро, исподтишка крестили гайдуков, сербские мужчины опустили глаза, не в силах помочь пленникам.

– Ах, Босилька, – снова не удержался Стоян, – если бы сейчас вся толпа двинулась на янычар... Но каждый трясётся за свою шкуру. Враги сильны нашим страхом и молчанием.

Янычары заставили приговорённых стать на колени.

– Вот головорез Петар. – Али указал на мужчину богатырского сложения. – От его руки погибли многие османские воины. Но настал и его час.

Петар поднял бородатое лицо, бросил грозный взгляд на Али:

– Доберутся и до тебя честные сербы! Дай Бог, доберутся! – Он перекрестился, подняв к лицу скованные руки.

Али махнул рукой. Палач вскинул секиру и обрушил широкое лезвие на загорелую шею Петара. Один из янычар поднял отрубленную голову, другой вонзил в её срез острие копья и поднял в синее небо. Послышался женский плач.

Отец казнённого с отчаяньем смотрел в мёртвое лицо сына. Потом перевёл взгляд на оставшихся наследников, но уже

над вторым встал палач.

– Вот ворюга Лазар, который грабил слуг султана, даже у наместника увёл коней. Но недалеко умчался.

– Это ваше богатство награблено. Вы обобрали наш народ, затем и явились в Сербию. – Крикнул Лазар. Секира палача срезала его голову и кровь брызнула на помост.

Отец гайдуков застонал. Когда палач шагнул к младшему сыну, Ионе, старик не выдержал.

– Али-ага, послушай! Останови казнь!

– Чего тебе нужно, старый разбойник? – С презрением спросил Али.

– Не для себя прошу милости. Скажи, если мой мальчик присягнёт султану, ты пощадишь его? Я готов признаться, где спрятал золото.

– Если юнак покается и примет ислам, это будет благим примером. Я согласен заступиться за мальчишку перед судьёй. – Одобрил Али.

Старый гайдук обернулся к юнаку, от которого Босилька не отрывала глаз.

– Иона, перемени веру и живи. Я беру грех на свою душу. А ты чти законы Великой Порты и не бери в руки оружие.

Иона поднялся с колен, лязгнули тяжёлые цепи. Он обернулся к отцу. Минуту молчал и Босилька замерла. Но когда юнак заговорил, в голосе не было тени раскаяния.

– Отец, зачем ты позоришь свои седины? К чему призываешь меня? Уподобиться Иуде? Оскорбить память казнён-

ных братьев? Лучше смерть, чем вражья милость!

Палач схватил его за длинные кудри, швырнул на помост. Быстро блеснула секира. Глухо ударилась о доски отсечённая голова.

– Господи... – Прошептала Босилька, падая на пыльные камни.

Данило поднимал её, но ноги девушки подкашивались. Отец и брат унесли её с площади, положили в арбу.

Глава четвёртая.

Нападение в горах

Пронзительно свеж осенний ветер в горах. Разноцветные листья осыпают влажную дорогу и увядшую траву. Гулко разносится звук топоров – это Данило обрубает сухие ветки с поваленных деревьев, ему помогают старшие сыновья – Симеон и Петро. Младший, Стоян, связывает хворост в охапки. Стволы будут распилены на пеньки, а те расколоты на поленья. Всё это сербы отвезут домой – топить печь. Арба, в которую запряжён бык, стоит под горой. За ней присматривает Босилька. Сначала девушка бродит вокруг, подбирая яркие листья. Потом садится в арбу, достаёт из тканой полосатой сумочки вязание и начинает работать короткими блестящими спицами. Она решила связать варежки Стояну, чтобы не ходил с красными замерзшими руками в морозы. Цвета ей подсказывает осень – красный клубочек, рыжий, серый. Таков лес, утративший летнюю зелень.

Печально попискивает невидимая птица. Вдруг она умолкает. Издалека слышится топот конских копыт. Данило и сыновья не слышат ничего за стуком собственных топоров. Но Босилька на дороге явственно различает его. Она садится на арбу, кутается в шаль, берётся рукой за вожжи. Как бы не украли быка! Показались всадники. Четверо. Лица закрыты

повязками, только глаза сверкают из-под фесок. Один спешивается, бросается к Босильке, хватает за руку, глухо говорит:

– Садись на коня! Ну иди же!

Он тащит её к коню, Босилька вырывается, бьётся, она кричит, он зажимает ей рот, она кусает жёсткую ладонь. Мужчина вскрикивает:

– Помогите же! Это шайтан, а не девка!

Ему на помощь приходит второй, они связывают Босильке руки. С горы бегут братья и отец, размахивая топорами. Но двое всадников, оставшихся верхами, делают залп из винтовок. Родственники Босильки падают наземь. Один хватается рукой за плечо. Только Стоян вприпрыжку выскакивает на дорогу.

Всадники уже на конях, один из них кричит остальным:

– Не стреляйте!

И вот уже четверо нападавших мчатся обратно. Поперёк седла у одного лежит Босилька.

Стоян вскакивает в повозку, хлещет вожжами, бык трусцой устремляется за похитителями Босильки. Но разве может неповоротливое животное, впряжённое в арбу, угнаться за легконогими скакунами? Как не кричит Стоян на быка, тот не может бежать быстро, а тут ещё колесо у арбы отваливается. Повозка, скособочившись, тащится по дороге, мальчик падает на землю. Бык останавливается, его бока ходят ходуном.

Сначала к сломанной арбе подбегают братья, потом отец. Он кричит на Стояна:

– А вдруг они застрелили бы тебя! Глупый мальчишка! Разве догонишь конных в такой повозке? Быка чуть не уморил!

– Тебе бык важней Босильки? – Огрызается Стоян и получает подзатыльник. Потом Данило говорит:

– Надо ехать следом, расспрашивать людей – наверняка кто-то из прохожих видел, как везут украденную девушку! Но быка гнать нельзя, он и так в мыле.

Забыв о дровах, едут по дороге.

– Что будет с мамой! – Говорит Стоян. Босилька – любимица Марии, её правая рука.

Через некоторое время они встречаются с селянами, везущими сено.

– Братцы, вы ничего странного не видели по дороге? – Заговаривает Данило.

Стоян молча удивляется: «Странного? Почему отец не выражается ясно, а ходит вокруг да около?»

Сельчане удивленно качают головами и проезжают мимо.

– Поймите, парни, – говорит Данило сыновьям, – если злодеи нанесут Босильке бесчестье, а потом отпустят её, незачем всей округе знать о нашем позоре. Это лучше скрыть!

– Надо идти к кадию, в суд! – Заявляет Стоян. И снова получает подзатыльник.

– Не учи старших, мальчишка! Правды в басурманском

суде не найдём, а сплетни о нашем горе разойдутся по окрестностям! – Кричит Данило.

Старшие сыновья не пытаются спорить. Они молчаливы, покорны судьбе, как отец. Только вздыхают и крестятся – молятся за сестру.

– Если бы хоть один из вас был гайдуком, то спас бы Босильку! – Восклицает Стоян.

– Ещё слово и домой будешь возвращаться пешком! – Обрывает отец.

* * *

Босилька не бывала в соседних сёлах, только в Гнилане и в монастыре Драганац, но её везли в другую сторону. Похитители переговаривались и ей показалось, что узнаёт голоса.

– Верно поступил, племянник! Вот и конец твоей печали. Украсть девушку – значит, удаль показать! – Проскрипел рядом старик.

– Спасибо за совет, дядя. – Ответил молодой голос. – Для тебя и для друзей накрою стол сегодня вечером.

– Это славно! – Откликнулся старик.

– А ночь проведёшь с красавицей! – Весело добавил ещё один похититель. Но тот, кто вёз её, зло оборвал:

– Тебе какое дело?

– Э, брат, слышал я, что ты хочешь жениться на христианке, но не поверил!

– Почему не жениться? – Подхватил скрипучий голос. – Она примет ислам и будет Санжару доброй спутницей. В

Стамбуле у моих знакомых есть жёны из бывших христианок. А наша домоправительница Мерве, по рождению сербка, приняла ислам сорок лет назад.

Словно молния промелькнула в голове девушки, сразу поняла, чьи руки связывали её и тащили к коню. Санжар и его дядя Али! Ещё двое арнаутов, должно быть, их друзья. Куда её везут? В Депце. Санжар родом оттуда.

За долгую дорогу, пока она висела поперек седла, голова стала тяжёлой, болела, сознание мутилось. Только ощутила, как в тёмном дворе за высоким забором её снимают с лошади, несут. Мелькают два факела, слева и справа от чёрного провала двери, словно в адскую обитель. Светильник в сморщенной руке и старушечий голос:

– Ты и впрямь красавица! Отдохни, дай-ка сниму твои башмачки. Скоро станешь обуваться в туфли, расшитые золотом.

У Босильки не было сил отмахнуться и подняться, она погрузилась в забытьё. Сон оказался тяжёлым, с жуткими видениями, она убежала от волков в горах. Пряталась за камнями, карабкалась всё выше, а волки разыскивали, наступали. Сверху она видела родное село, там люди убирали и перекапывали осенние огороды. Но никто из них не замечал Босильку. И не было никогда близ Пасьяне гор настолько крутых и высоких. Когда она смотрела вверх, то видела, что вершины окутаны облаками. Вдруг смолкло рычание волков. Облака расступились. Босилька увидела человека, который

протягивал ей руку. Кажется, это был молодой гайдук, но в чистой, не окровавленной одежде и без оружия.

– Пойдёшь со мной? – Говорит он. – Тебе выбирать.

Девушка делает шаг навстречу и просыпается.

Босилька лежала с закрытыми глазами, чувствуя усталость. Разве она больна? Откуда под окнами бляенье стада? Их овцы живут в кошаре за огородом. Или кто-то из богатых соседей гонит стадо мимо? На бойню. Почему на бойню? Тут Босилька ясно вспомнила, что случилось. Села на постели, с досадой срывая, стаскивая большое мягкое одеяло. А вокруг всё чужое: ковры, серебряный кувшин на подносе, пуховые подушки, навязчивый приторный аромат. Она знала его – так пахли благовония, дымившиеся в турецких лавках на рынке.

Босилька поискала глазами свою обувь – лёгкие кожаные опанки, но увидела вместо них туфли из малинового сафьяна, украшенные золотистыми цветочками, в середине каждого цветочка было по жемчужинке. Туфли на высоком каблуке, с загнутыми носами и без задника – в таких не суетятся по хозяйству, а лениво бродят по коврам или вымощенным дорожкам.

Девушка только в нижней рубашке, вышитой по вороту, рукавам и подолу красной ниткой. Рубашка прикрывает колени, но Босилька застыдилась открытых ног. Где её юбка? Кофта? Овчинный жилет и шерстяной платок?

В дверь стукнули, она скрипнула и на пороге показалась женщина. Босилька встала.

– Не бойся! – Лицо посетительницы утопало в замысловато накрученном красном платке, большом, с кистями. Но Босилька заметила её тусклые глаза, хищный нос. Кожа морщинистая, смуглая.

– Я не боюсь. – Спокойно ответила девушка. – Скажите, где моя одежда?

– Вот! – Старуха торжественно положила на край кровати стопку свёрнутых вещей.

– Это не моё. – Ровным голосом заметила девушка.

– Твоё, твоё, милая. Не стесняйся, посмотри.

Старуха беззубо улыбнулась, подняла на вытянутых руках длинное бордовое платье. На груди изумрудный шёлк листьев, красный шёлк роз, полураскрытых и в бутонах. По подолу кайма из таких же цветов.

– Вот кублек. – Старуха встряхнула длинный приталенный жакет с множеством пуговичек. – Вот покрывало на голову. Или хочешь платок? А туфли померила? Впору пришлишь? Одевайся, будешь не хуже знатной турчанки. Так сейчас наряжаются в Стамбуле!

– Мне не нужны чужие наряды. Верните мою сербскую одежду. – Попросила Босилька.

– Зачем тебе овчина и холстина? Подумай! Посмотри, какие роскошные ткани, какие узоры. – Старуха подносила к лицу Босильки вещи, водила по ним коричневыми пальцами.

На каждом пальце вспыхивали кольца и перстни. Босилька отстранила её подношения и отчеканила:

– Верните мне мою сербскую одежду!

– Твои лохмотья под кроватью! – Сдалась старуха, в её голосе прорезался гнев.

Отвоевав одежду, Босилька продолжила наступление:

– Где я нахожусь?

– Ты в гостях у доброго человека, у славного молодого человека. – Голос старухи снова стал мягким. – Он полюбил тебя всем сердцем. Так тосковал без тебя, что не удержался и забрал в свой дом. Такова судьба. Над судьбой властен только Аллах.

– Человек украл меня своей волей. А чего хочет Бог, мы ещё узнаем. – Босилька решила не давать надежды своим тюремщикам.

– Ты остра на язык. Но девушке не к лицу дерзость. Подумай о моих словах. Я ухожу, надо распорядиться о завтраке для господ. И тебе скоро принесут поесть. – Мерве с недовольным лицом оставила комнату. Босилька бросилась на колени и стала молиться, чтобы Бог освободил её из басурманских уз.

Глава пятая. В поисках правды

– Мы пойдём к наместнику. Арнауты не смеют притеснять нашу семью. Я исправно плачу налоги. Я не обидел ни одного мусульманина. Я ни одного сына не отпустил в гайдуки. – Быстро говорил Данило под звон монет, которые перекладывал из сундучка в маленький мешочек из бархата. Будет что поднести наместнику – седоусому турку. Тот слыл милостивым правителем.

– Разве овцы угодят волку? – Его жена яростно месила тесто в деревянной кадушке. Накрыла крышкой, поставила подходить.

Братья Босильки были дома с женами. Только Стоян пропал неизвестно где. Данило думал, что сын учится стрелять из лука. Словно сможет перебить врагов стрелами, когда у них есть ружья.

К дому наместника Мария и Данило направились пешком, чтобы не показывать на глаза молодого быка, которого обычно запрягали в арбу. Едва захватчики заметят недостаток, найдут, чем поживиться. У ворот сидели два арнаута и играли в кости. На просьбу Данило пропустить его к наместнику они ответили, что тот уехал в Стамбул.

– Когда он вернётся? Мне очень надо знать! – Данило протянул им две монеты.

– Не знаем. Но Хамид знает, я позову его, – сказал один

солдат.

Вскоре из ворот вышел чернокожий мужчина в длинных одеждах из дорогой материи. Евнух Хамид, домоправитель наместника, знал Данилу.

– Эфенди, – Данило заискивающе улыбнулся и низко поклонился евноху, – дай совет. Мы можем поговорить наедине?

Хамид кивнул, и они зашли во двор, где бил маленький фонтан и разгуливали три павлина, иногда издавая скрипучие крики, так не вязавшиеся с их красивым оперением.

Хамид выслушал сбивчивый рассказ Данилы и его жены.

– Украли. Это плохо. Особенно если не женится. Бывало такое. Ступайте к Амиру-ходже. Он обязан принять вас и выслушать. А поможет ли, Аллах ведаёт. Амир-ходжа представитель христиан в местном медресе, но он турок.

И снова побрели родители Босильки по улицам, а небо стало затягивать тучи, налетел холодный ветер и стал переносить по улице вороха опавших листьев.

– Ночью будут заморозки. – Произнёс Данило. – Надо занести новорождённых ягнят из овчарни в сени, там теплей.

– Ягнят мы сбережём, а вот дочь... – Глаза Марии налились слезами, но она быстро вытерла их уголком платка.

Дом Амира-ходжи никто не охранял. Местные жители считали его своей надеждой и вряд ли кто покусился бы на его имение. Человек преклонного возраста, благочестивый, он умел говорить сочувственно, успокаивал, давал надежду,

за одно это его считали другом многие. Нельзя сказать, что Амир-ходжи не брал приношений, но говорили, что не меньше жертвует на мечеть.

Данило постучал в ворота и Амир-ходжи сам открыл их. Шустрый старичок с жидкой, но длинной белой бородой, кутался в халат из дорогой плотной ткани.

– Заходите. Погрейтесь чаем. – Добродушно предложил он.

– Бакшиш. – застенчиво сказал Данило, протягивая монеты. – Помоги, эфенди. И я принесу вдвое больше, соберу всё, что смогу.

Али расплылся в улыбке, демонстрируя крупные желтоватые зубы. Его сухая цепкая рука мелькнула и монеты исчезли в складках халата.

– Достаточно. Что привело вас ко мне? – Спросил он, наклоня голову на бок, приготовился внимательно слушать.

– Нашу дочь украл молодой арнаут. Спаси от позора, помоги вернуть домой.

– Это дело не для меджлиса. Понимаю вашу тревогу, но что скажут там: «Украли девушку? Эка невидаль, пусть родители разбираются между собой». В совете решают важные споры – если кто-то увёл у кого-то стадо, украл породистого жеребца или прибрал к рукам земельный надел, или случилась распря с оружием.

– Неужто стадо или клочок земли важнее человека? – Возмутился Данило.

– Я всё понимаю. Но что могу сделать? – Амир развёл руками. – О вашей беде и слушать не станут. Тут нужно решать в частном порядке. Ступайте к Рустем-бею, он из сербов села Пасьяне, но принял ислам. Важный человек, знает местных жителей, ваши обычаи.

– У Рустема крутой нрав. – Вздохнул Данило. – И он потуреченец, лучше бы был турком. Всё перемешано в голове у потуреченца, он отстал от своего племени, пристал к чужому, да не совсем и чаще из выгоды.

– Так вот какого ты мнения о них? – Хмыкнул Амир-ходжа. – Выгода – хорошее дело, миром правит выгода, честный серб. Отрекись от Христа и на тебя в совете посмотрят иначе, заступятся за твою дочь.

– Что ты, что ты! – Воскликнул Данило.

Старый чиновник развёл руками:

– Негибкое дерево легче сломать.

И снова несчастные родители побрели по улицам осеннего Гнилане. Уже опускались сумерки.

У дома Рустем-бея стояла карета, блестя от дождя, словно лаковая шкатулка. Мария и Данило сразу узнали хозяина – широкоплечий приземистый, он кланялся гостю, который покидал дом. Гость, в огромной чалме, сел в карету, та тронулась. Рустем выпрямился и оглядел улицу. – Приветствуем тебя, почтеннейший! – Воскликнул Данило.

Мария молча поклонилась. Подобострастие давалось ей из последних сил.

– Чедо, рады видеть тебя. – Продолжал Данило. – Как высоко ты поднялся! Что за дом у тебя, земляк!

– Я не Чедо, я теперь Рустем. – Бывший односельчанин радости не проявил.

– Рустем-бей, ведь ты родом из Пасьяне, знаешь меня и моих детей. Сжался, помоги.

– Что случилось? – Неохотно спросил Рустем.

– Мы выяснили, нашу дочь Босильку украл арнаут Санжар, сын покойного дефтердара Мухаммада.

– Я знал дефтердара. Это почтенная семья. И парня видел, умён и ловок.

– Но он не нашей веры. – Негромко уточнил Данило.

– Значит, если бы вашу дочь украл единоверец, вы бы радовались? – Ядовито поинтересовался Рустем.

– Нет, Рустем-бей. Мы сами нашли бы жениха для дочери и спросили её, по сердцу ли пришёлся. – Вмешалась Мария.

– Спрашивать дочь? Что может понимать девушка? – Усмехнулся Рустем.

– Мы своих детей не неволим. – Пробормотал Данило.

– Если ваши дети своевольны, возможно, девушка сама сбежала с арнаутом. Он богат, молод и в чести у турков. – Отмахнулся Рустем.

– Босилька – православная христианка. – Мария не хотела недомолвок.

– И что? Стоит ей дать согласие, как вместо христианки появится мусульманка. – Не уступал Рустем.

– Наша дочь не предаст веру предков! – Вырвалось у Марии.

– Так я для вас предатель! – Закричал Рустем. – Пошли вон!

– Рустем-бей, моя жена не хотела оскорбить тебя. Рустем-бей, смилуйся! – Данило то воздевал руки к небу, то простирал к хозяину.

– Идите прочь, нет мне дела до вашей девчонки! – Рустем оттолкнул Данилу.

– Вот уж точно в Гнилане всё прогнило! – Закричала Мария. – На сербской земле не осталось сербства.

– Тише, тише, жена. – Нахмурился Данило.

– Только мне и можешь указывать, ведь у меня за поясом нет сабли. – Мария отвернулась от мужа.

Глава шестая. Гость незванный

Когда отец ломал хлеб, то обломанный край каравая обращал к середине стола, чтобы зерно не переводилось в доме. Хлеб на низком столике лежал так – наверное, старая Мерве почитала местные приметы. От веры отказалась, а от суеверий не смогла.

Босилька протянула руку к хлебу, но тут же отдернула – стоит поддаться одному искушению, как они все разом подступят и одолеют. Будет она стоять во дворе Санжара в красных свадебных одеждах, в красной фате, словно пропитанной кровью народа, который предала.

А здесь был не только хлеб. Горку золотистого плова венчали обжаренные кусочки баранины. Тушеные овощи маслянисто блестели, посыпанные зеленью. Стекланный кувшин с фруктовым шербетом янтарно мерцал. Искушение было велико. Босилька съела кусочек хлеба и запила шербетом. Только для того, чтобы были силы. Потом отошла подальше, достала сумочку с вязанием. Она вынула клубочки – красный, рыжий, серый. Нужно продолжать труд, вязать рукавицы для брата и надеяться, что сможет вручить ему их.

– Господи боже, в тяжёлые дни
наши края от врагов сохрани,
сербов нечистому не уступи,
нас благодатью своей укрепи. – Тихо запела Босилька.

– Что за плач? Девушке надо петь о любви, о розе румяной. – Произнёс молодой мужской голос.

Босилька вздрогнула, подняла глаза. В дверях стоял Санжар. Его глубоко посаженные глаза уставились прямо на неё. Неестественно-светлые, хищные.

Она отложила вязание и поднялась с ложа.

– Здравствуй, красавица. Посмотри, что я принёс тебе.

Санжар держал в руках свёрток. В комнату нырнула Мерве, схватила поднос с едой и исчезла, метнув на Босильку строгий взгляд. Санжар положил свою ношу на стол, развернул. На шёлковом платке засверкали драгоценности. Санжар с улыбкой поднял на растопыренных пальцах бусы – искрящиеся камни были нанизаны на три переплетенные нити.

– Неужели это бриллианты? – Подумала Босилька.

– Посмотри, как свет играет в гранях этих камней! Но твои глаза сверкают ярче. – Вкрадчиво произнёс Санжар.

– Не стоило тратить деньги, добрый человек. – Сказала она тихо, опустив глаза.

– Я не трачу деньги. То, что нужно, беру мечом. – Сказал Санжар надменно. – Это ожерелье я сорвал с шеи одной венгерской купчихи. Её семья посмела бунтовать против султана.

Он опустил украшение на стол. Схватил и поднял витой браслет:

– Золото и рубины. Камни алые, словно твои прекрасные губы. Эту игрушку я взял из шкатулки румынской княжны.

Браслет звякнул об стол, а Санжар уже сжимал в пальцах перстень с тёмно-синим камнем:

– А этим заплатили выкуп за дочь молдавского господаря. Лучшие самоцветы, золото и серебро Балкан – для тебя, Босилька из Пасьяне.

Он крепко взял её за руку и попытался надеть перстень, Босилька молча вырывалась.

– Что ты упрямишься?

– Мне не нужны подарки.

– Я хочу обручиться с тобой, Босилька. Прими этот перстень, дай согласие стать моей женой.

– Я не могу стать ничьей женой, Санжар. Потому что дала обет постричься в монахини. – Она надеялась, что такой ответ не уязвит гордость арнаута – ведь девушка отказывает ему не ради другого мужчины, а ради целомудренной жизни в обители. Босилька действительно задумывалась об этом и в плену пришла к окончательному решению.

– Что за вздор! – Вспыхнул Санжар. – Это девичья шутка, из тех, какими вы дурите голову мужчинам. Посиди, подумай, полюбуйся на мои подарки. Я ещё приду к тебе, Босилька из Пасьяне.

– Отпусти меня домой, добрый человек. Я готова молиться о твоём благополучии до скончания дней. – Смирненно склонила голову девушка.

– Домой? В избу под соломенной крышей, где смердит овчиной? Ты не ценишь своего счастья – стать старшей женой

в моём гареме. Все, кого я возьму после тебя, будут подчиняться тебе, Босилька. Всё самое лучшее будет доставаться тебе. А когда я буду уезжать на войну, не Мерве, а ты будешь управлять моим домом, моим поместьем. Твои дети унаследуют золото, которое я коплю, и благосклонность султана к нашему роду.

– Я христианка, Санжар.

– Ты примешь мою веру.

– Не приму.

Он поднял брови, голубые глаза уставились на неё с удивлением и гневом.

– Это мы ещё посмотрим. Ты не ценишь своего счастья.

Босилька легла спать поздно. Шёлковые простыни и наволочка казались отвратительно скользкими. Эта постель душила, но не грела.

На ночь мать ставила в доме букетик базилика и бессмертника, чтобы детям слаще спалось, а здесь откуда-то тёк пригорный дым восточных курений. Он дурманил, соблазнял сытым покоем, тягучим мёдом сладостей, ласками чужих рук. Но запах чужого жилья, чужого народа не успокаивал Босильку.

– Блаженными алчущие, ибо они насытятся, блаженны плачущие, ибо они утешатся... – В полузабытьи сухими губами шептала она. Другое блаженство у христиан, другое счастье у сербов.

Глава седьмая. Юность Мерве

Несколько дней Санжар не беспокоил пленницу. Являлась Мерве, уговаривала надеть красивую одежду, украшения. Босилька перестала брать еду с подноса, кроме хлеба и воды. Иногда Мерве выводила Босильку во двор, показывала дом, сарай, конюшню, хвалила богатства Санжара. Привозит он золото и всякое добро отовсюду, куда пошлёт его султан. Есть у него стадо тонкорунных овец. Только не привозит девиц. Прежде ни одна красавица не волновала его сердце. Босильку присмотрел давно и ни о ком другом не говорил. И если хочет Босилька хорошего мужа, то это и есть Санжар.

– Санжар ходит в походы. Наверное, там встречал красивых девушек. Говорил он о румынской княжне, о дочери молдавского господаря, о жене венгерского купца... – Замечает Босилька.

– Неужто ревнуешь? – Подмигивает Мерве. – Слышала, как за вином Санжар рассказывал о них своему дяде. Если воину в походе нужна женщина, он берёт её у врагов. Этих девушек Санжар и взял, и продал по дороге домой. Он никогда не упустит выгоды. Только с тобой выгоду упускает! Ни приданого, ни знатной родни у тебя нет, только гонор.

Мерве поставила на столик кувшин и тарелку.

– Посмотри, какие сладости я принесла. Пахлава с бекмезом, сотовый мёд.

Босилька промолчала

– Но самый сладкий кусочек для женщины – мужское сердце. – Продолжала Мерве. – Ты зря упрямишься. Нет ничего страшного в перемене веры. Посмотри на меня, разве я хочу вернуться в православие?

Босилька подняла глаза на старуху:

– А ты была христианкой?

– Конечно. И выросла в Сербии. Меня крестили, как и тебя, во младенчестве. Я была христианкой до пятнадцати лет. – Мерве вздохнула. – А потом меня украли османы и повезли в Стамбул. По дороге командир запретил трогать меня, он хотел дорого продать девственницу. А я была хороша. И он сбыл меня содержателю Дома балканских роз, Юнусу-аге. Там лучшие пленницы за деньги отдавались богатым гостям. А прибыль клал себе в карман Юнус. Вот когда пришлось мне тяжело. И грубым, и пьяным, и уродливым я должна была дарить ласку. Бывала бита, что только не творили со мной гости. А на следующий день хозяин снова приказывал мне наряжаться и с весёлой улыбкой завлекать в комнату купца или пашу. Я понимала, что смогу покинуть Дом балканских роз только когда потеряю красоту. Юнус сам вышвырнет меня. Но куда идти? Мне не на что будет добраться до Сербии. Придётся снова продавать себя, больную, увядшую, за кусок хлеба. Но мне улыбнулось счастье – в Дом роз заглянул добрый человек, богатый вдовец – Бихрам-паша. Я приглянулась ему, так что только ко мне и ходил. А потом выку-

пил у Юнуса. В его доме я сначала была наложницей, потом приняла ислам, и господин назначил меня калфой. На этой должности я присматривала за его гаремом и служанками. Мне было за пятьдесят, когда Бихрам подарил меня своему другу из Сербии – Мухаммаду. Бихрам знал, что я мечтаю вернуться в родные края, узнать, живы ли мои родственники. Мухаммад был отцом твоего жениха Санжара. Он привёз меня в Сербию. Своих родителей и брата в живых я не застала, но дом Мухаммада стал моим. Здесь я тоже управляю прислугой.

– Османы отняли у тебя молодость, честь, волю. А ты хвалишь свой ничтожный удел. – Не сдержалась Босилька.

– Да, Творец вёл меня извилистым путём, но привёл к жизни в богатстве и холе. Всякий прислушается к моему совету. – Важно ответила Мерве.

– Главный раб – тоже раб. Если бы тебя не украли, сейчас ты жила бы в своём доме, нянчила своих внуков.

– Наверное, в селе у тебя, красавица, были кавалеры. Пока липа цветет, на ней полно пчел. Может, ты отказываешь Санжару, потому что у тебя есть жених? – Хитро прищурилась старуха.

– Мой жених – Христос. Так и передай своему господину.

– Легче сварить железо, чем побороть девичье упрямство. Почему не ешь?

– Меня Христос кормит. – Ответила Босилька. – Я только попою.

– Если тебя кормит Христос, пусть он же воды подаст. Посмотрим, сколько ты выдержишь без питья.

Старуха вскочила с софы, схватила кувшин, тарелку со сладостями и покинула комнату.

Глава восьмая. Тайна Данило

Данило вышел на огород, уже пустой, с горками сухой ботвы. Достал из кармана глиняную трубку, набил табаком и закурил. Отсюда он не видел заросшие лесом холмы, куда увели его дочь. Вдруг послышался молодой голос:

– Доброго дня.

Данило резко обернулся – перед ним стоял Желько, нелюбимый вдовец, живший на окраине села. Они почти не разговаривали. Что нужно от него гостю?

– Доброго дня. – Неохотно ответил он. Желько был крут нравом и с ним предпочитали не связываться. Говорили, что к нему заходят незнакомцы с оружием.

– Не кручинься, Данило. – Продолжал Желько. – Уж дошла весть до гайдуков, что твою дочь похитил злодей. Они подожгут его поместье и спасут девушку.

Данило похолодел. Он схватил Желько за плечи и встряхнул:

– Зачем ты рассказал им?

– Разве нельзя? От властей ты милости не увидел. Так чего ждать? – Взгляд Желько стал тяжёлым и безжалостным.

– Немедленно, слышишь, немедленно передай им, чтобы не вмешивались! – Гневно и умоляюще заговорил Данило. – Завтра я снова пойду к властям и дело решится миром. А что будет, если Босильку спасут гайдуки? Басурмане этого не

простят. Мне со всей семьёй придётся уйти в лес. Мои сыновья станут в глазах властей разбойниками! Мои невестки и внуки будут скрываться по пещерам всю жизнь. А потом всех поймают и казнят! Нет! Никогда!

– Ты верно боишься за свою усадьбу и пашни? Бедная Босилька! – Желько с презрением окинул взглядом Данилу.

– Как ты смеешь меня упрекать? Много ли обо мне знаешь? Мой братья были гайдуками, мои родители помогали гайдукам. – Вспылил Данило.

– Об этом я не слышал. – Смутился Желько.

– Когда выезжаешь из Гнилане на запад, ещё виден фундамент большого дома. Там я родился. Оттуда мои братья ушли в горы. Но потом случилась беда...

Данило прерывисто вздохнул, тяжело опустился на скамью и продолжал:

– Мне было семь лет. Вечерело, мать готовила ужин и велела мне достать из подвала кувшин с каймаком. Я взял кувшин, собрался подняться по лестнице, но услышал вверху, в комнатах чужую речь. Мать сызмальства учила меня, как прятаться от злодеев в подвале – там, между бочками было небольшое пространство. Я сжался в своём убежище. А голоса звучали всё громче, потом послышался тяжёлый удар, Я поднял глаза, что-то тёмное просочилось между половицами и стекало в подвал. Я подставил ладонь, и она наполнилась кровью. Ещё один удар и новая струйки крови потекли в подвал.

Османы ушли не сразу. Я слышал, как лязгали крышки сундуков. Убийцы искали поживу. Потом всё стихло. Наверху была ночь, когда я поднялся из подвала. Луна светила ярко, и я увидел на полу два безголовых тела – мою мать и отца. Соседи так и похоронили их. Головы османы унесли с собой и насадили на колья близ дороги, чтобы другие сербы боялись якшаться с гайдуками. Несколько ночей подряд я приходил туда, с ужасом смотрел в безжизненные лица, но не осмеливался снять с кольев. Наконец это сделал кто-то из односельчан и головы оказались в могиле. Вот такие дела. С тех пор я живу в неизбывном страхе.

– Некоторые от такого страха уходили в гайдуки. Мстить. – Сказал Желько.

– А некоторые отуречивались. Я ни то, и не другое. Хочу мирно стариться и беречь семью. Как говорится, народ гайдуков ценит, но в горы за ними не идёт.

Глава девятая. Волчье сватовство

Уже три дня Босилька сидела без еды и воды в своей комнате. В её душе поднимался невольный ропот.

– Неужто родители и братья забыли о ней?

Девушка не знала, что на днях Данило и Мария приходили к воротам поместья, но Санжар заявил, что Босильки здесь нет и пригрозил спустить охотничьих собак. Пытаясь решить всё по закону, Данило снова побрёл в Гнилане за турецкой милостью.

Босилька лежала на полу, не желая принимать от Санжара ничего, даже мягкой постели. В её памяти плыли туманные образы дома и близких, тихой жизни в Пасьяне. Вышитые занавески и улица за окном, смех Стояна, играющего с мальчишками на улице, старшие братья за работой в поле, их молодые жёны – обе носят детей под сердцем, но увидит ли Босилька новорождённых?

Отец, смуглый, с густыми чёрными волосами, где искрилась первая седина, несмотря на свою силу, всегда чего-то опасался. Начиная с утра, он подчинял жизнь суевериям. Вставая с постели, первой опускал на пол правую ногу. Одеваясь, сначала совал руку в правый рукав. Трижды плескал водой в лицо, умываясь. На улице отец, помимо примет, боялся арнаутов, турков, гайдуков, змей и собак. Когда ехал в город, одевался в белое, чтобы сойти за арнаута. Но, проез-

жая через лес, набрасывал на плечи тёмную овчину, чтобы не напали гайдуки, которые выслеживали арнаутов и османов.

Мать на приметы внимания не обращала, но много рассказывала о том, что было в давние годы. О том, как сербы пытались изгнать османов со своей земли. Как не смирились под пятой турецкой власти. Мать поведала, как турки схватили сорок прекрасных девушек и погнали их в свою страну. Когда дорога шла по обрыву над морем, все пленницы, сговорившись, схватились за руки и бросились в волны. Грех губить свою душу, но разве не больший грех – предать свою веру, отдаться врагам? Может быть, Господь простил этих несчастных, вздыхала мать.

Босилька продолжала вязать рукавицу для брата, но поняла, что нить кончилась.

– Вот и моя жизнь... – прошептала она, но тут же пришла мысль, что она может распустить рукавицы и начать вязать другие, маленькие, для себя. Тогда ниток хватит до конца вязания. Странное чувство охватило её. Связать для себя, значит, верить, что рукавицы пригодятся, что выйдет она со двора, ставшего тюрьмой. И будет Рождество, колядки. Нет, довольно тешиться надеждами, они точат душу, делают её слабее, словно древоточцы, пожирающие ствол живого дерева.

Её внимание привлекли громкие голоса – в одной из соседних комнат пировали. Утром она слышала конский топот и ржание во дворе, должно быть, к Санжару прибыли друзья

или его дядя Али. Сейчас они ели и пили.

Дверь резко распахнулась. На пороге стоял Санжар. Он был пьян, в домашней одежде. Белая рубаха расстёгнута. На бледной груди заметен старый шрам. Глаза налиты кровью.

– Как ты похудела, Босилька. Своей глупостью губишь себя и меня. Довольно упрямитесь!

Он сел на пол рядом с ней, заглянул в глаза. Босилька попыталась встать, но Санжар крепко обнял её за талию.

– Отпусти! – Рванулась девушка.

– Ох, какая ты горячая.

Санжар бросил её на пол и навалился, целуя лицо и шею. Он пытался сорвать одежду девушки. Босилька сопротивлялась, но силы были не равны.

– Дядя Али прав, так надо усмирять сербских красавиц. – Бормотал он.

Босилька на ощупь нашла сумку с вязанием, выхватила спицу и с размаха воткнула её в бедро арнаута.

– А! Тварь! – Вскрикнул Санжар, отшатнулся, сел, схватился за бедро, взревел:

– Стража!

Но сначала в комнату ворвался Али.

– Я предлагал прежде связать её! Давай сделаем так.

Босилька встала и молилась про себя. Вбежали слуги.

– Я больше не хочу эту девку! – Рычал Санжар.

– Отдай её страже, пусть потешатся и убьют. – Бросил Али.

– Нет! Не досталась мне, значит, не достанется никому! – Санжар поднялся, шатаясь, по штанине текла кровь. Выходя из комнаты, он обернулся. – Я превращу твою жизнь в ад. Я сломаю твою волю, ты отречёшься от своей нелепой веры, от разбойного племени, от семьи, от имени. Иначе не жди пощады. Больше никаких уговоров и подарков! Вынесете из комнаты всё, пусть спит на досках. Даже хлеб и воду не предлагайте.

Волчье сватовство арнаута длилось месяц.

Глава десятая.

Рассвет над Пасьяне

Красное солнце встаёт над долиной, полной молочного тумана. Вершины гор алеют. По обочине дороге идут две девушки, несут в корзинах освящённые хлебы из церкви.

– Помнишь Босильку из Пасьяне? – Спрашивает одна.

– Как не помнить. – Отвечает её спутница и крестится. – Прошло уже три года, а кажется, никогда не забудем. Арнауты пытали её, срезали кожу со спины, жгли калёным железом, подвешивали за волосы, но она так и не отреклась от Христа. А говорили, Санжар украл её по любви.

– Любовь насилем не берут. Босилька и на наших парней не глядела. Зачем ей чужак?

– Когда нашли, ран и синяков только на лице не было, словно нечестивые побоялись уродовать образ Божий.

– Бедная Басилька. Тело её оказалось нетленным. А ведь не меньше четырёх месяцев пролежала в лесу. И звери не тронули. Может быть, потому что бросили её в терновник.

– Звери не тронули. Зато арнауты, когда узнали, хотели забрать тело и снова спрятать, боялись народного гнева.

– Будет гнев на их головы! И народный, и Божий! Но где могила Босильки? Я не слышала о её похоронах.

– Открою тебе тайну, но пообещай, что будешь молчать.

– Конечно.

– Помнишь, церковь в Пасьяне украсили деревянными колоннами? Расписали их райскими цветами от пола до потолка. В одной из этих колонн скрыты мощи Босильки. Мы молимся и Босилька среди нас.

– А я не знала! – Ахнула вторая девушка.

– Так сказал мне жених.

– Гайдук Стоян?

– Да. Когда Сербия сбросит иго врагов, Босильку с почестями положат в храме.

Но тут на дороге показалась повозка в сопровождении янычар, и девушки отошли на обочину, закрывая лица рукавами.

Примечания

Арнаут – у слова несколько значений, одно из них – славяне, принявшие ислам.

Акче – мелкая серебряная монета.

Бей – титул мелких феодалов.

Бурек – пирог.

Великая Порта – правительство Османской империи.

Гайдуки – повстанцы, боровшиеся против турецкого ига на Балканах.

Дефтердар – казначей.

Ивандан – рождество Иоанна Крестителя.

Каймак – густые сливки.

Кублек – верхняя женская одежда, приталенный кафтан.

Меджлис – собрание, совет.

Опанки – крестьянские башмаки из кожи.

Паша – почётный титул чиновника.

Ходжи – почтенный человек.

Шербет – прохладительный напиток из фруктов.

Эфенди – господин, начальник.

Янычары – воины-славяне, с детства воспитанные как рабы султана.